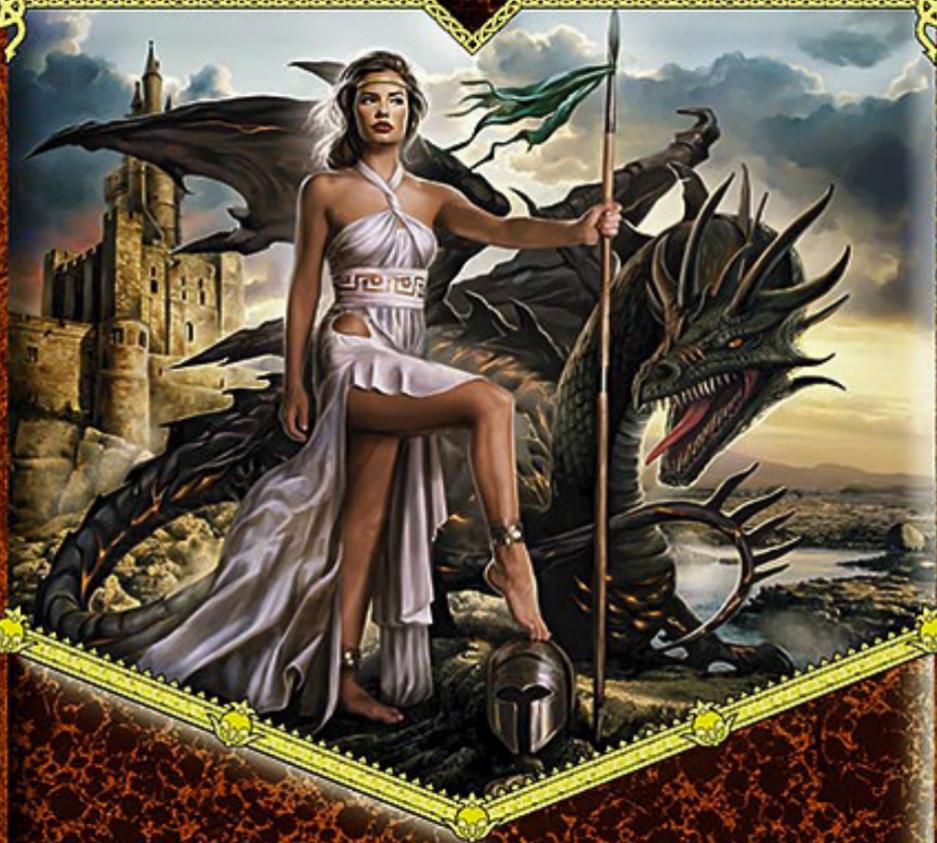

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Яна ТРОЙНИЧ

ЛЕДИ-ЖРИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Яны Тройнич
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ЛЕДИ ЕЛКА
ЛЕДИ В СТРАНСТВИЯХ
ЯГУАР И РЫЖАЯ СЕНЬОРИТА
ЛЕДИ И РЫЖАЯ СЕНЬОРИТА
ЛЕДИ-ЖРИЦА

Яна ТРОЙНИЧ

ЛЕДИ-ЖРИЦА

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Несмотря на царящую в душе панику, в открывшуюся передо мной дверь подземелья я постаралась шагнуть спокойно и уверенно. Мрачное тоскливое настроение вполне соответствовало окружающему пейзажу. Черные скалы нависали надо мной со всех сторон, и даже прекрасные цветы белого шиповника, растущего прямо на горной тверди вопреки всем законам природы, не оживляли картину, а пугали. Казалось, они специально подчеркивают границу между миром живым и миром мертвым.

Необдуманное обещание, данное жрецам — хранителям книги, придется выполнять. И стать на какое-то время одной из них — жрицей любви. Иначе будут уничтожены все, кого я люблю. И в первую очередь мой сын Клод, ради спасения которого я и заплатила эту цену.

Очень надеюсь, что мне не придется остаться в подземном мире навеки. Но чтобы вернуться и победить, придется изучить законы врагов и их повадки, и на этот раз рассчитывать только на себя. Моя драконица Регина осталась наверху и ничем не сможет помочь. А я уже привыкла к ее постоянному присутствию, советам, а порой и язвительным замечаниям.

Скорее всего, мне уже никогда не узнать, по чьей воле девчонка из двадцать первого века, Элеонора по прозвищу Елка, оказалась заброшенной в параллельный средневековый мир и стала Хранительницей Дракона. С тех пор прошло уже много лет, и в каких только

передрягах мы с моей крылатой красавицей не побывали. Судьба все время как будто нарочно играет со мной, то деля подарком, то отнимая его. Совсем недавно я была на вершине блаженства — нашелся мой первый муж, моя единственная настоящая любовь, капитан Кэррол, которого много лет я считала мертвым. Но счастье вновь оказалось слишком скоротечным — темные хранители потребовали плату за оказанную услугу.

— Прощай, мой любимый, не вини меня в том, что случилось, — прошептала я перед тем, как тайно выскользнуть из комнаты, очень боясь, что супруг проснется. — Видит бог, я приложу все силы, чтобы снова быть с тобой. А те, кто попробует мне помешать, пожалеют об этом. Я, леди Елка, даю в том свою клятву.

* * *

Никто меня не встречал, но туннель, ведущий в глубь горы, вдруг осветился мерцающим голубоватым светом, и окружающий пейзаж преобразился как по волшебству. Капли воды, сверкающие на камнях, в причудливом колдовском свете казались россыпями звезд. Застывшие натеки на стенах образовывали фантастические барельефы. Воображение легко дорисовывало челюсти, крылья или когтистые лапы. Находилась я тут по своей воле, наверное, залюбовалась бы такой красотой, но сейчас я была не в силах оценить поэзию камня. Примерно четверть часа спускалась вниз по каменной тропе, пробираясь между свисающими с потолка довольно крупными сталактитами. Внезапно проход расширился, затем перешел в широкий коридор, и я оказалась в большом, ярко освещенном зале.

Хранители были все в тех же черных балахонах, что и прежде, но сегодня не прятались под капюшонами, будто подчеркивая, что я теперь — одна из них. Мужчины приветствовали меня вежливыми поклонами, речи их звучали спокойно и приветливо, лица казались равнодушно-бесстрастными, а вот глаза... Они говорили о

многом. У пары человек взгляд был оценивающим и подозрительным, но у большинства загорался и вспыхивал жадным огнем, который они старательно пытались скрыть.

Я натянула на лицо улыбку, спрятавшись за ней, как за маской. И думала об одном: нужно выжить и выбраться отсюда любой ценой. Внезапно шрам на щеке обожгло болью. Его когда-то оставил мне мой супруг, скрывающийся под личиной врага. Я еле сдержала стон. Наверное, Кэрол проснулся и узнал о моем исчезновении.

Из разговоров я поняла, что вечером ожидается какая-то церемония в мою честь, а настоящей жрицей я стану только через год. Я вздохнула с облегчением: хорошо, что так. Хотя понимала, что год этот может промелькнуть как день.

Меня проводили до выделенных мне апартаментов, состоящих из целых пяти комнат, которые были обставлены и отделаны просто по-царски. Стены украшали гобелены, по-видимому, со сценами из жизни жрецов. Пиры, охоты, состязания и... хм... некоторые картины заставили меня покраснеть. Слишком уж откровенно изобразил художник отношения с женщинами... и не только. Черт, куда ж я попала?! Интересно, зачем это повесили в моих покоях? Намекают, что жрица любви должна знать обо всех сторонах плотской жизни? А может, не только знать? Я невольно опустила руку на пояс, где висел клинок. Мелькнула мысль: может, покончить с собой, да и все? Тогда ни Кэрол, ни Клод жрецам будут уже не нужны. Вот только моя драконница... Я представила, как золотая красавица взлетает высоко в небо, последний раз мысленно говорит мне «люблю!» и камнем падает вниз. Где она найдет свое последнее пристанище? Скорее всего, на этих горных пиках. Нет, я не могу допустить гибели своего дракона. Придется бороться и искать способ победить врага.

Я прошлась по апартаментам, внимательно их рассматривая. Ни дорогая резная мебель, ни мягчайшие

ковры, ни изящные безделушки меня не заинтересовали. А вот огромные зеркала внимание привлекли. Уж слишком много их было. Я пересчитала. Тринадцать. Совсем как число хранителей. Интересно, случайно или нет?

Одно из зеркал было поменьше. То, которое располагалось на столике в будуаре. Сам столик был заставлен различными баночками. Я заглянула в некоторые из них. Краски и кремы: красные, розовые, золотистые, черные. В стеклянных флаконах находилось что-то бесцветное и пахучее. Я ухмыльнулась: таким способом жрице любви предлагалось стать еще красивее? Или просто не хотят лишать женщину ее маленьких радостей?

В соседней комнате располагался огромный гардероб. Платья пестрели разнообразием цветов и фасонов. Похоже, жрицам, в отличие от жрецов, не предписывалось носить только черное. Но ни наряжаться, ни украшать себя не хотелось. Даже рука не поднималась, чтобы расчесать волосы. Сердце обливалось кровью. Как бы я желала сейчас оказаться на нашем с Кэролом острове, в объятиях моего лорда-пирата.

Я сидела и смотрела в зеркало просто механически. Как выгляжу, было совершенно безразлично. Вдруг поверхность стекла как будто подернулась туманной дымкой. На миг показалось, что в глубине мелькнул чей-то силуэт. Похоже, мои подозрения небеспочвенны. За мной наблюдают.

Я заставила себя просидеть неподвижно еще несколько минут, потом равнодушно отвернулась и улеглась на кровать. И раньше догадывалась, что с помощью зеркал жрецы умеют читать мысли. Придется контролировать себя в такие моменты, потому что если не подходить к зеркалам совсем, это будет выглядеть слишком подозрительно. Жрецы не должны узнать, что я догадалась об этой их тайне.

Верно говорят: предупрежден, значит, вооружен. Отныне я не должна забывать об осторожности ни на

секунду. Что ж, постараюсь не думать перед зеркалами ни о чем важном. А еще лучше — стану подбрасывать врагу дезинформацию. Представляю, сколько «приятного» узнают обо мне хранители. Я усмехнулась: да и о себе самих.

Уткнулась головой в подушку и вновь чуть не разревелась. Перед глазами стоял Кэрол. Я ощущала его руки, губы, тело. Вцепилась в ткань зубами и постаралась прийти в себя.

В дверь постучали, внутрь скользнула фигура, закутанная в такой же черный балахон, как и хранители.

— Госпожа, меня послали прислуживать вам. Пора готовиться к посвящению.

Голос принадлежал молодому человеку. Но тон был властным и требовательным и никак не подходил для слуги. Решил сразу «взять быка за рога» и показать, кто на самом деле здесь хозяин?

Я сделала вид, что не слышу, и не шевельнулась. Молодой человек подошел поближе и сдернул с меня одеяло:

— Вставайте!

Может, и не стоило противоречить и сразу же наживать врагов, но мое дурное настроение требовало выхода. Я спокойно и не торопясь уселась на кровати и спросила холодным вежливым тоном:

— Не совсем поняла, кто из нас кому отдает приказы? — И добавила с издевкой: — Буду очень благодарна, если вы мне это объясните.

Взгляд, которым одарил меня этот «слуга» из-под надвинутого на лоб капюшона, даже внатяжку нельзя было назвать дружеским. Потом он быстро опустил глаза и произнес:

— Госпожа, вы должны готовиться к церемонии. Поверьте, не стоит заставлять хранителей ждать. Сначала нужно совершить омовение, идите за мной.

Местная купальня пришлась мне по вкусу. Это был большой бассейн явно естественного происхождения. Вода благоухала каким-то приятным запахом и оказа-

лась достаточно теплой. Местные обычаи я помнила еще по прошлому посещению, поэтому, не обращая внимания на прислужника, сбросила одежду и опустилась в источник. Какое блаженство! Кажется, что помолодела лет на десять.

Выйдя из воды, я оглянулась: моей одежды не было. Слуга накинул на меня какую-то белую простыню из легкого полотна и помог обтереться. Потом завернул в другой похожий кусок ткани. Мы вернулись в комнату. Он усадил меня перед туалетным столиком и занялся моей прической. Расчесал и уложил волосы, украсил их драгоценными камнями. Повесил на шею ожерелье.

Как странно: обычно сначала принято надевать наряд, а потом уже подбирать к нему украшения. Тем временем прислужник нацепил браслеты мне на руки и щиколотки. Я продолжала ждать, какое же платье подадут. А когда увидела его, возмущению не было предела. Сначала я даже не догадалась, что это платье, а не нижнее белье. Прозрачный кусочек материи доходил до середины бедер, при этом абсолютно ничего не скрывая.

— Ну, теперь вы готовы.

Я задохнулась от негодования:

— В этом я должна идти к хранителям на официальную церемонию?!!

Слуга кивнул:

— Таковы закон и обычай.

— Значит, надо менять обычаи. Я не стану гулять голдой среди толпы мужиков!

— Это не мужики, а жрецы.

Я уселась обратно в кресло:

— Не пойду никуда. Верните хотя бы нижнее белье!

— Госпожа, не задерживайте обряд. Вас ждут почтеннейшие мужи нашего мира.

Я вновь огрызнулась:

— Не могу предстать перед почтеннейшими в чьем мать родила.

Слуга вдруг зло зашипел на меня:

— Пока еще вы здесь никто и ничто. Будете вести себя так, как сейчас, в крайнем случае окажетесь чьей-нибудь прислугой. — Он нехорошо ухмыльнулся. — Это если очень повезет. Тогда будете говорить не «в чем мать родила», а «зачем меня мать родила».

Грубый тон прислужника возмутил. Такое обращение со мной не пройдет. Я вовсе не из тех женщин, которых можно безнаказанно оскорблять. Но сейчас нужно взять себя в руки.

Я сделала вдох, затем выдох. Все-таки во мне всегда жили две Елки. Одна — женщина своенравная, порой капризная и легкомысленная, а другая — боец и воин, умеющий принимать неизбежное и действовать по обстановке.

Я встала с кресла и гордо вскинула голову. Ну и пусть смотрят! И усмехнулась, благо есть на что посмотреть. И этот урод пусть пялится! Хотя, надо отдать парню должное, он вовсе не был уродом, да и не обращал на мои прелести абсолютно никакого внимания. Надо же как выдрессировали. Я еще раз оглядела прислужника. И вдруг поняла. Молодой, но уже начал обрастать жирком, в отличие от подтянутых стройных хранителей. Глаза потухшие и равнодушные. На востоке таких зовут евнухами. Да и как могло быть иначе? Разве бы пустили петушка в курятник?

Ладно, мне нужно взять себя в руки и сыграть свою роль в церемонии. Я пройду через что угодно, лишь бы снова быть с Кэролом. Ох, Кэрол, любовь моя нежданная и негаданная...

В зал, где собрались жрецы, я вошла спокойно и уверенно. Старалась держаться надменно и равнодушно, как будто отправлялась не на странный обряд, а на очередной изрядно поднадоевший эльфийский бал. Повинуясь подсказке прислужника, направилась прямо в центр, где меня дожидался главный хранитель, лорд Хальгер. С ним я познакомилась еще в первое мое посещение этого замка. Остановилась у огромной чаши из хрусталя, выполненной в виде цветка шиповника.

Жрец жестом показал, что я должна ступить в нее. Почему-то подумала, что похожа на Дюймовочку. Только вот у той под ногами была кувшинка.

Главный хранитель сделал шаг вперед, протянул руку и резко дернул за ворот моего платья. Я осталась даже без этого эфемерного укрытия, но никак не выказала возмущения. Лишь подняла голову, встретилась взглядом с глазами лорда и чуть насмешливо улыбнулась уголками губ.

Хальгер рассматривал меня с довольной улыбкой. Я еле сдерживалась, чтоб не залепить ему пощечину. Но справилась со своими чувствами и продолжала спокойно ждать, что последует дальше.

Раздалась тихая приятная музыка. Двери распахнулись, в зал вошли три прислужника. В руках у того, что шел посередине, была точно такая же чаша, как та, в которой стояла я. В ней плескался напиток розового цвета. Слуга поклонился и вручил чашу главному хранителю. Тот повернулся ко мне, поднес чашу к моим губам и предложил отпить один глоток. Я пригубила. Затем чаша оказалась у меня в руках, и теперь уже жрецы пили из нее. Последним отпил главный:

— Отныне ты наша и пойдешь по нашему пути, куда бы мы ни повели тебя.

Я про себя усмехнулась: «Ага, сейчас. Ждите, побежала».

— Ты будешь делить с нами и хлеб, и воду.

Я вспомнила стол, уставленный яствами, за которым пировала со жрецами при первом посещении этого замка, и подумала, что тут они скромничают зря. При такой трапезе без физических упражнений можно и в поросят превратиться. Интересно, как хранителям удастся сохранять форму? И вдруг почувствовала ужасный голод.

Главный хранитель положил руку мне на плечо:

— Приветствую тебя в твоём новом доме, и чем скорее ты забудешь былое, тем лучше. Надеюсь, это случится очень скоро.

Ко мне стали подходить остальные. Я внимательно вглядывалась в лица, старалась понять, какое впечатление произвожу. Возможно, мне придется искать здесь союзников. Впрочем, по лицам прочесть что-либо было трудно, а вот руки, касающиеся моего плеча, вели себя более откровенно. Трое жрецов дотронулись совершенно равнодушно, кто-то старался сжать, кто-то погладить, а ладони нескольких даже скользнули чуть ниже. В таких случаях я вызывающе улыбалась и смотрела в глаза.

И опять хранители реагировали не одинаково. Кто-то быстро отдергивал руку, кто-то отвечал такой же насмешливой улыбкой. В голове зазвучали стихи, слышанные когда-то в детстве:

Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети;
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!

Видимо, такова моя судьба: все время куда-то вляпываться и попадать, будь то клетка, замок или подземелье.

Птичка, птичка! Как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить,
Всё б тебя ласкали.

Ну, этого мне только не хватало, о «шведской семье» никогда не мечтала. Ответить бы я могла тоже словами из этого стишка:

Верю, детки: но для нас
Вредны ваши ласки:
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки.

Окинув глазами двенадцать крепких мужиков, я подумала, что такой конец вполне вероятен.

Наконец от меня отошел последний жрец. Оставшийся в кубке напиток допила я. Как только сделала последний глоток, хрустальная чаша, в которой я стояла, начала заполняться жидкостью кроваво-алого цвета. Сначала даже подумала, что где-то порезала ногу и из нее льется кровь. Но раны не чувствовала, да и крови потребовалось бы многовато.

Настала такая тишина, что от нее заломило в ушах. Музыка смолкла. Я посмотрела на хранителей: неужели произошло что-то неординарное? Или очередные фокусы жрецов? Еще по приключениям в пещерах огнепоклонников помню, что они горазды на такие проделки. Хлебом не корми, дай сотворить эффектное зрелище для непосвященных.

Однако тут, похоже, удивилась не одна я. Кто-то прошептал:

— Отчего вода стала красной? Такого ни разу не случилось.

По рядам хранителей пробежал ропот.

Тут же вмешался главный хранитель:

— Братья, это знамение судьбы! На небосводе лишь звезда любви имеет красноватый оттенок. Жрица обещает стать яркой, как ни одна до нее. Преклоним же колени перед нашей новой сестрой.

Я готова была аплодировать лорду Хальгеру. Уверена, он так же, как и все, ничего не понял, но очень ловко выкрутился. Или все-таки знал?

Потом он подал мне руку, и я шагнула из цветка на каменный пол. Тут же два жреца накинули на меня роскошный ярко-красный наряд. Я всегда любила этот цвет, но сейчас он ассоциировался с опасностью.

Жрецы набросили на головы капюшоны, встали по двум сторонам от меня, и наша процессия куда-то направилась.

Пройдя через несколько коридоров, мы оказались в огромном мрачном зале. Тут я тоже уже бывала. В середине зала возвышался трон, покрытый красным бархатом. Вокруг трона был очерчен круг. По краям окруж-

ности — какие-то странные знаки, которые мерцали алым светом.

Меня подвели к трону. Линии, через которые я перешагнула, на миг вспыхнули алым огнем, но тут же погасли, осталось лишь слабое свечение. На сиденье трона лежала священная книга. Все сложили руки на груди и согнулись перед ней в поклоне.

Как-то странно кланяться неодушевленному предмету, как живому, но надо — так надо. Я уже ничему не удивлялась. Только хотела, чтоб эта церемония поскорее закончилась. Наряд-то на мне был роскошный, а вот ноги — босые. И стоять на холодном каменном полу казалось не слишком приятным. Да и желудок ныл. Сейчас я с аппетитом сжевала бы даже корку сухого хлеба.

Я последовала общему примеру и склонилась перед реликвией. При движении мой перстень сверкнул. Отблески красного от светящихся символов коснулись его, и из перстня вырвался луч. Не тонкий лучик, как обычно, а яркий сноп сияющего синего света. Он коснулся книги, и... она сама собой раскрылась. Как зачарованная смотрела я на страницу. Каким-то образом поняла, что изображенное на ней предназначается именно мне.

В том же самом зале, где сейчас находилась я, прямо на сиденье трона стояла женщина. Она держала что-то в поднятой руке и с силой сжимала. Я скорее почувствовала, чем разглядела, что в руке у женщины была хрустальная ветка шиповника. А с нее капала кровь. Вокруг трона лежали мертвые тела с открытыми остекленевшими глазами. По коже пробежал мороз: женщина была высокая, светловолосая и вообще слишком похожа на меня.

Не сразу сумела взглянуть я на соседний листок. Там в ярко-синем небе парила то ли большая птица, то ли дракон. Может, это Регина? Или оборотень в крылатой ипостаси? Изображение было слишком мелким. Я потянула руку, чтобы поднести книгу к глазам и рас-

смотреть картинку. Но руку мою тут же перехватил шагнувший ко мне главный хранитель. Он прошипел:

— Не смейте этого делать никогда, если хотите жить.

А сам с жадностью взглянул на раскрытые страницы. Не знаю, много ли он успел заметить, потому что книга тут же с шелестом захлопнулась.

Некоторое время в зале царила тишина. Лорд Хальгер все еще держал мою руку в своей, крепко сжимая ее. Причем стискивал с такой силой, что мне показалось — переломит кость. И не обращал внимания ни на попытки вырваться, ни на болезненные гримасы.

Хранители с изумлением рассматривали меня, и эту реакцию я не могла понять. Опять что-то пошло не так, как задумывалось, или случилось раньше? Второй раз за такой короткий промежуток времени?

Вдруг все они дружно растянулись на полу, повторяя какое-то непонятное слово. Я одна осталась стоять, соображая, последовать их примеру или нет. Пока раздумывала, мужчины уже встали на ноги.

Поднявшись, лорд изучил меня так, будто решал трудную задачу:

— Жрица любви поделится тем, что показала ей книга судеб? Такое случилось лишь несколько раз за тысячелетие.

Хранитель вопросительно смотрел на меня, а я каким-то чутьем поняла, что рассказывать ничего не нужно. Особенно о павших хранителях.

— Я ничего не смогла разглядеть, поэтому и хотела взять книгу.

— Возможно, потом вы вспомните больше.

Сомневается в моем ответе? Кажется, он не слишком мне поверил, но настаивать не стал.

Той же процессией мы отправились в уже знакомый мне пиршественный зал, где был накрыт стол. Я чуть не рванула вперед, наплевав на все приличия, вновь ощутив зверский голод. Но пришлось еще подождать, пока лорд Хальгер произнесет длинную витиеватую речь в мою честь. Я явно видела, что он чем-то недоволен, и

даже подумала, что главный хранитель специально издается надо мной, затягивая торжественное восхваление молодой жрицы.

Наконец мне позволили приступить к трапезе. Хорошенько утолив голод, я стала прислушиваться к разговорам. По возбуждению, царившему за столом, поняла, что сегодняшнее посвящение вышло необычным. Никто и не ожидал, что вода в чаше окрасится алым, а книга раскроется. Обычно для того, чтобы обратиться к реликвии за советом, требовался долгий и сложный обряд, но и тогда никто не гарантировал успеха. Старинный манускрипт как будто сам решал, кому стоит отвечать на вопросы.

Несколько раз меня пытались расспрашивать об увиденном. Я делала невинные глаза и отвечала, что ничего не успела заметить.

Вечер продолжался, и компания становилась все более оживленной. Не знаю, что требовала вера от этих жрецов, но пить вино им точно не возбранялось. Как и ухаживать за женщинами. Я отметила нескольких хранителей, с которыми стоит постараться наладить дружеские отношения, кажется, двое вообще уже сложили свои сердца к моим ногам. В общем, как говорится, мужики и в Африке мужики.

Через некоторое время я попросила разрешения «сходить поудрить носик». Только вышла за дверь, как рядом оказался мой слуга, который и проводил меня до комнат. Голова шла кругом, то ли от усталости и новых впечатлений, то ли от напитка жрецов. Я присела на кровать:

— Не знаю, когда это все закончится, но я бы с удовольствием легла спать.

— Только утром. Но вы можете покинуть праздник и сейчас с кем-нибудь из хранителей. В воле жрицы делать выбор.

Даже так? Нет, пока я в здравом уме, этого они от меня не дождутся. Но надо быть осторожнее, тут вокруг маги. История с напитком колдуньи Найриты, которым

угостил меня повелитель эльфов Эйнэр, закончилась рождением Клода. Интересно, перстень предупредит об опасности или в этом месте он перестанет помогать мне?

Вскоре я вернулась в зал. Хранители не сразу обратили внимание на мое появление, горячо обсуждая события дня.

— Все, что случилось сегодня, слишком странно. Как бы новая жрица не принесла несчастий. Не лучше ли от нее отказаться, пока не поздно?

Кто-то игриво заметил:

— Это трудно сделать. Согласитесь, жрица чертовски хороша.

Обсуждение оборвал решительный голос главного хранителя:

— Книга показала свое расположение новой жрице, и это добрый знак. Еще раньше свой выбор сделали священные камни. Без воли судьбы они не оказались бы у этой женщины.

Появившаяся надежда испарилась. Но, может, и к лучшему? Еще неизвестно, что последовало бы за отказом от новой должности. Вполне вероятно, и в живых бы не оставили.

Некоторое время я провела за пиршественным столом в обществе хранителей. Ни до одного напитка больше не дотронулась. Потом сослалась на усталость и попросила у главного позволения удалиться.

Лорд пристально посмотрел на меня:

— Здесь все подчиняется одним правилам, жрица. В первый раз я разрешаю вам уйти, но в будущем не рассчитывайте на поблажки.

Я шла по коридору к своим комнатам, а в голове вертелись слова: «В первый раз прощается, второй раз разрешается, а на третий раз не пропустим вас!» Третьего явно дожидаться не стоит: надо думать, как отсюда выбираться.

В спальне я сбросила тяжелое церемониальное платье, оглянулась по сторонам и с досадой поморщилась.

Зеркала смотрели на меня, как экраны телевизоров. Интересно, у каждого жреца свое зеркало для наблюдений или здесь какая-то иная система? В том мире, откуда я прибыла, принято было размещать над постелями балдахины. Там мне не нравились эти тряпки, казалось, что под ними не хватает воздуха, а сейчас, пожалуй, стоит потребовать себе такой. Сослаться на то, что помещение большое и неудобное.

А пока я закрылась с головой одеялом и заревела. Ведь во всем виновата сама! Так захотелось отомстить рыжей, что собственными руками разбила счастье.

Оплакивая свою горькую долю, я и заснула.

С утра пораньше меня пригласил главный хранитель. Галантно встретил на пороге кабинета, проводил к столу и усадил в кресло. Потом долго молчал и с интересом разглядывал меня. От нечего делать я тоже его рассматривала. Машинально отметила: а ведь лорд хорош собой. В суеде последних событий я просто не обращала на это внимания. Выглядит лет на тридцать, а уж сколько ему на самом деле — одному богу известно. Темные волосы подчеркивают белизну лица и четкую линию скул. Глаза дерзкие и красивые, губы изогнуты, как лук, в усмешке — что-то хищное. На смиренного служителя культа никак не тянет. Впрочем, они и не монахи. Скорее эта секта напоминает какой-то рыцарский орден.

Хальгер так и не соизволил первым прервать молчание. Что ж, на вызов всегда готова ответить вызовом. Я капризно изогнула губы:

— Лорд, со вчерашнего дня я изменилась? Или вы хотите найти какой-то знак на моем лице?

В его глазах тоже блеснула насмешка:

— Несомненно, жрица любви становится прекраснее с каждым часом. Но позвал я вас не для того, чтоб расстачать комплименты. Обучение займет год, и тогда ваша судьба окончательно решится. Хотя, если бы не одно «но»... такой долгий срок бы не потребовался.

Хранитель изучающе посмотрел на меня и произнес непонятную фразу:

— Может, так и будет, а может, я ошибаюсь. — И продолжил: — Сейчас я расскажу вам о нашей жизни. Но перед этим хочу задать несколько вопросов и кое о чем попросить.

Я не сдержалась:

— Если просьбы будут в пределах разумного.

Он хмыкнул:

— Ничего личного, леди. Кстати, мое полное имя Риллен Хальгер, наедине можете звать меня просто Рил. Да и вас позвольте называть по имени, хотя и странное оно какое-то. Надо же придумать — Елка! Но не звать же мне вас сейчас «жрица», как полагается по этикету.

Я закатила глаза и протянула, стараясь придать голосу умильность и томность:

— Ну почему же, лорд Рил? Я ничего не буду иметь против, если станете добавлять прилагательные. «Очаровательная жрица», «прекрасная леди жрица», «великолепнейшая жрица», ну и так далее, на что хватит фантазии.

Хранитель резко оборвал мой монолог:

— Это тоже можно, но потом. Сейчас поговорим о деле. Вы действительно не смогли разглядеть рисунок в книге?

Я задумчиво уставилась на противоположную стену:

— Помню что-то такое... голубое. Больше — ничего.

— А вы не будете против, если я попробую помочь вам вспомнить?

Этого мне совсем не хотелось. Кто знает, какие у них тут способы «помощи» и что лорд может выведать еще? Но отказываться было опасно, да и бесполезно, скорее всего.

Я радостно улыбнулась и кивнула:

— Конечно. Сама этого хочу.

— Тогда закройте глаза и расслабьтесь.

Я выполнила указания и постаралась сосредоточиться на второй картинке. Интересно, кто это все-таки был? Дракон, орел, один из оборотней? Если дракон, то Регина или кто-то иной? Но в голову как назло лез первый рисунок. Женщина и мертвые мужчины у ее ног. Хотя почему я решила, что они мертвые? Может, просто лежат-отдыхают. Хорошо бы взглянуть на картинку еще раз. Сейчас я уже сама ни в чем не уверена. Каким образом, интересно, хранитель намерен «помочь» мне вспомнить? Жрецы практикуют что-то типа гипноза?

Это слово потянуло за собой воспоминания, интересные и веселые.

Я увидела себя на берегу Черного моря: жизнерадостной студенческой компанией мы отдыхали в Сочи. Вот к нам подошел молодой человек с хитрыми глазами и спросил:

— Ребята, хотите подработать?

Мы весело загалдели. Какой же студент откажется? Только и мечтали, тем более если это будет законный бизнес.

— Нет, ничего криминального. Небольшой обман, но публика будет только рада. Я — гипнотизер, и, когда приглашу желающих поучаствовать в сеансе, вы быстро подниметесь на сцену. А потом будете делать то, что скажу.

Обещанные деньги мы отработали с большим подъемом: пели, плясали, изображали детишек.

Я вспоминала, что вытворяла тогда, и улыбалась...

— Леди, откройте глаза.

А вот этого делать мне совсем не хотелось. Как хорошо и весело оказаться в молодости. Никаких проблем и интриг. Удивительно, что я до сих пор помню всех одноклассников по именам...

Из раздумий меня выдернул голос лорда:

— Леди, проснитесь!

Мои веки нехотя поднялись. Хранитель потряс меня

за плечо, перстень вспыхнул и привлек внимание Хальгера.

— Вам что-то мешает. Я попросил бы вас снять кольцо и положить его в эту шкатулку.

Я на секунду замерла. Почувствовала, что лорд недоволен результатами опыта и находится в некотором замешательстве. Может, от моих воспоминаний? Мысленно горячо поблагодарила хитроглазого гипнотизера. Потом с готовностью протянула руку:

— Не возражаю, если поможете. Хотя это кольцо и предупреждает об опасностях, но также и приносит несчастье. Я стараюсь избавиться от него много лет. Один раз даже выбросила в море. Но оно всегда возвращается. А последнее время вообще отказывается покидать мой палец.

Я демонстративно покрутила перстень из стороны в сторону и вновь ткнула руку прямо под нос жрецу:

— Попробуйте.

Миг поколебавшись, он все же протянул руку к кольцу. Оно полыхнуло так, что я зажмурила глаза.

Лорд произнес слегка осипшим голосом:

— Да, действительно, перстень не желает покидать вас. Странно, утратив одни свойства, он приобрел другие. Чтобы понять все до конца, нужно вернуть сюда хрустальную ветвь, и вы должны это сделать.

— Я слетаю за ней?

У меня появилась дикая надежда, что меня отпустят хотя бы на время. Увижу Кэрола, побуду с Региной, услышу что-нибудь о сыне. Видимо, радость слишком явно мелькнула у меня в глазах.

— Вы пока не можете возвратиться в тот мир. Скажите, где ветка, и мы сами заберем ее.

А вот это — фи́га с маслом! Такое отношение к предложению лорда я вслух не высказала, но очень порадовалась своей предусмотрительности и благоразумию и с благодарностью вспомнила каменную всадницу и ее стражей:

— Я отнесла ветку в одно древнее священное место,

и никто, кроме меня, не сможет забрать его оттуда. Хранители его вечны и очень надежны.

Хальгер задумался. Похоже, он одинаково боялся потерять и меня, и ветку. А раз боится, значит, не так силен, как пытается показать.

— Хорошо, леди Елка, я подумаю, как решить эту проблему. А пока ознакомьтесь...

Он подал мне лист бумаги, заполненный письменами. Как ни странно, я прекрасно поняла все, что там было написано. А напомнил мне этот список... расписание занятий.

— Это то, что вам придется освоить за этот год.

Я быстро пробежалась по строчкам глазами. Первым пунктом значилось изготовление магических зелий и любовных напитков, затем верховая езда, боевые искусства, изучение священных текстов... За каждый предмет отвечал один из жрецов. Пунктов было двенадцать. На последнем я споткнулась и прокомментировала его содержание не совсем цензурным сленгом моей родины, ибо он предполагал «совершенствование в искусстве любви и оболъщения». И отвечал за него сам главный хранитель.

Лорд равнодушно посмотрел на меня, взял список из моих рук и дописал: «обучение изящной словесности».

Больше всего мне сейчас хотелось прибить жреца на месте, но я заставила себя вежливо спросить:

— Могу я быть свободна?

— Можете. Но не забывайте, что трапеза через два часа.

В дверях я обернулась. Лорд пристально глядел мне в след. Я не удержалась и ехидно спросила:

— И где ж это здесь можно скакать на лошадях?

Лорд хмыкнул:

— Все ответы будут в свое время.

— Похоже, я много чего не знаю?

Хальгер усмехнулся снова:

— Вы даже не представляете, сколь многого. Но то,

что вам следует знать, вам расскажут постепенно. Очень не рекомендую расспрашивать и совать нос куда не следует.

И слова, и тон, которым они были произнесены, мне очень не понравились. Я вздернула подбородок и презрительно посмотрела на лорда. А он добавил:

— Любопытство не поощряется. Мужчину можно бы было и не предупреждать, но вы — женщина.

Я выскочила в коридор и резко захлопнула дверь. Потом передумала и повернула обратно. Привыкла, чтобы последнее слово оставалось за мной. Постучалась, но вошла, не дожидаясь ответа. Успела заметить, что лорд рассматривал какую-то рукопись, которую при моем появлении бросил в ящик стола. И сказал сквозь зубы:

— Кажется, я забыл добавить в ваш список еще один пункт — обучение элементарным правилам вежливости.

— Лорд Рил, я прошу дать мне бумагу и перо. Я тоже хочу написать свои требования!

Хранитель с изумлением уставился на меня. Пододвинул то, что я просила, и протянул:

— Ин-те-ре-эсно... Что может требовать от меня жрица любви?

Я взяла перо и написала:

«Главному хранителю лорду Риллену Хальгеру от будущей жрицы любви леди Елки. Я требую...»

Буквы вышли довольно корявыми. Удивительно вообще, что я могла писать на их языке. Ни в одном из миров это до сих пор у меня не получалось.

Потом слово «требую» зачеркнула и заменила словом «прошу», вспомнив, как отчитывал меня когда-то давно тогда еще наследный принц Трайс дэр Эрбиган. В голове зазвучали слова: «вы можете только просить, а не требовать, леди». Какие все же замечательные то были времена. Вот бы повернуть время вспять и исправить наши ошибки. Но если бы мы не рассорились с Трайсом, у меня не было бы Кэрола... Слезы чуть не за-

капали из глаз, но я сумела взять себя в руки и старательно дописала:

1. Снять все зеркала, кроме одного, в моих покоях.
2. Повесить над кроватью балдахин.
3. Не предпринимать по отношению ко мне сексуальных домогательств.
4. Не выставлять голой перед мужиками.
5. Разрешить дописывать сюда пункты по мере необходимости.

И подвинула свое прошение хранителю.

Он вглядывался в лист, опустив голову, и я не могла понять его реакцию. Лорд долго переваривал прочитанное. Губы подрагивали то ли в усмешке, то ли в гневе. Потом Хальгер поднял на меня взгляд:

— Я бы мог просто выгнать вас и не обсуждать эти смехотворные требования. Но, так и быть, поговорим. Во-первых, в течение этого года у вас не может быть никаких просьб и условий. Но раз уж я позволил вам нацарапать все это, то, так и быть, разберем по пунктам. Кстати, я добавляю еще один предмет в программу вашего обучения: «искусство письменно изящно излагать свои мысли». Также надо заняться правописанием и орфографией. Как ваши родные допустили такой провал в воспитании? Кстати, — он взглянул на мой пояс, — оружие в замке носить запрещено. Другое дело, когда мы его покидаем.

Во время этой ехидной отповеди я чувствовала, как злость закипает в душе, но при словах «покидаем» тут же успокоилась и приготовилась слушать дальше. Надежда выбраться отсюда есть, и значит, я выдержу все.

— Итак, зеркала. Чем они вам помешали?

Я почувствовала напряжение в его взгляде и похолодела: вот дура, похоже, сама выдала, что догадалась об их тайне.

— Я не кокетка. Не привыкла рассматривать каждый прыщик на попе. А для лица мне хватит и одного зеркала.

Хранитель захохотал:

— Ну прыщ на этом месте может причинить гораздо больше неприятностей, чем полностью покрытое язвами лицо. — Потом пробормотал: — Ну ладно. А зачем вам понадобился балдахин...

Я прервала его:

— Могу я чувствовать себя защищенной?

— От кого?

Я взглянула на лорда и увидела, что в его глазах запрыгали бесенята. Он не дал мне заговорить:

— Так вы отказываетесь от мужчин, предпочитая удовольствия с собой? И хотите спрятаться под балдахином, чтоб никто этого не увидел?

Я вскочила, как разъяренная кошка. Не опрокинуть ли стол на жреца? Если он действительно думает так обо мне, то он — дурак! А если издевается — еще хуже.

Хальгер скептически оглядел меня:

— Не волнуйтесь. У вас будет полно возможностей опровергнуть подобные предположения.

До чего же омерзительный тип! Я стала повторять про себя: «Спокойно, Елка, спокойно».

Хранитель менторским тоном продолжил:

— Теперь по пункту четыре. Вам, леди, нужно научиться отделять зерна от плевел. Как вы выразились, «мужиками» они будут с вами в постели. А при исполнении ритуальных обрядов это жрецы. Не путайте одно с другим. Обнаженной на церемонии вы предстанете вновь только через год, когда получите окончательное посвящение.

Он скривил губы в подобии улыбки:

— Но никто не станет возражать, если у вас появится желание продемонстрировать свою наготу, так сказать, в приватном порядке.

Мое спокойствие тут же покинуло меня:

— Уж не себя ли подразумевает мудрейший хранитель?

Мой собеседник спокойно пожал плечами:

— Ну если вам этого хочется...

Я взорвалась:

— Идите вы к... маме.

И рванула к дверям, забыв о последнем пункте своих требований.

Летела по коридору, сама не понимая куда. Не замечая ни ступеней, ни дверей, ни поворотов. Наконец уткнулась в какой-то темный угол, опустила голову на колени и заревела, повторяя одно и то же: «Дурак, ну и дурак!» Наконец немного успокоилась и поднялась на ноги. Черт, а куда же идти? Ничего не видно. Но не успела сделать и шага, как легкий голубоватый свет озарил путь, указывая направление. Я в который уже раз удивилась комфорту, с которым было устроено жилище хранителей, и без труда добралась до своих покоев.

Попад в свою комнату, не сразу ее узнала. Все зеркала пропали. Осталось только одно — у туалетного столика, а кровать закрывал со всех сторон зеленый бархатный балдахин. Он выглядел здесь несколько чужеродно, и помещение стало смотреться не так красиво, как прежде, зато гораздо более уютно. Мне было как-то не по себе, когда зеркала отражали каждый шаг. Я успокоилась и подумала, что все-таки главный хранитель — не совсем плохой человек. Но симпатии у меня он не вызывал. И еще я порадовалась, что одержала пусть маленькую, но победу.

Вошел прислужник:

— Госпожа, пора в трапезную.

Я наскоро сполоснула лицо прохладной водой из гранитной чаши и последовала за ним. За богато накрытым столом уже сидели жрецы. Я сложила руки на груди и приветствовала их поклоном, как полагалось по местному этикету. Все поднялись на ноги и ответили тем же.

Мое место оказалось слева от главного хранителя. Я разговаривала, шутила и поддерживала разговор со всеми, кроме лорда Рила. На него я дулась и не скрыва-

ла этого, хотя сама понимала, что веду себя по-детски. Он несколько раз обратился ко мне с какими-то вопросами, но, видя, как я сквозь зубы цежу лишь «да» или «нет», усмехнулся и перестал обращать на меня внимание. Зато в разговорах с другими показал себя веселым и остроумным собеседником.

Мужчины обсуждали самые различные темы. Если бы не темные балахоны с капюшонами, никто бы не догадался, что здесь собрались служители культа. Да и пили ребята не хило. Ну и без обсуждения женщин дело, конечно, не обошлось. От их чересчур откровенных разговоров я то краснела, то бледнела. Ни в одном из миров мужчины не вели себя при мне таким образом. А эти еще жрецами себя называют!

Наконец я не выдержала, оттолкнула тарелку и поднялась на ноги:

— Разрешите мне удалиться, главный хранитель.

Его голос хлестнул, как кнут:

— Сядьте, жрица. Обед еще не закончен.

Потом посмотрел на окружающих:

— Продолжайте, господа, не стесняйтесь. Кто бы подумал, что наша жрица любви окажется столь целомудренно воспитана? А ведь была два раза замужем. — Он насмешливо взглянул на меня. — Про любовников не знаю, считать не берусь. Может, сама расскажет?

У меня от таких оскорблений остановилось дыхание. Я размахнулась не и раздумывая закатила лорду пощечину, причем со всей силы и от всей души. За столом наступила мертвая тишина.

Я выскочила из зала и бросилась в свои покои. Там опомнилась: что наделала?! Лежала на кровати и не хотела думать о том, что меня ждет. Боялась смерти, но не из-за себя. Представляла разбившуюся на камнях Регину и ее оставшегося сиротой детеныша.

Два дня я провела в своей комнате, никуда не выходя. Время тянулось, как резина. Слуга приносил еду, ставил на стол и тихо исчезал. Кроме него, никто не появлялся. Кажется, видеть меня у жрецов не возникало

желания. Или еще не решили, как со мной поступить? При всей окружающей роскоши ощущала себя в тюрьме. А молчать целыми днями вообще не было сил. Я почти не спала и мучилась в ожидании.

В какой-то степени мне стало стыдно. Никогда не считала себя ни кисейной барышней, ни истеричной бабой. Если почувствовала себя оскорбленной и хотела постоять за свою честь, должна была поступить по-другому. Не зря ведь я воин и рыцарь его величества и ношу клинок на бедре. Да и защитить себя с помощью языка тоже можно, тем более что подвешен он у меня неплохо. А теперь сиди и думай, что тебя ждет.

Я еще порассуждала о своей несчастной судьбе и о том, каким образом должна была поступить. И пришла к выводу, что после драки кулаками не машут. Уже в полной мере осознала тяжесть своего проступка. Просто нервы подвели: чужой мир, незнакомые люди, неопределенное будущее... Вполне понимала, что могут подвергнуть наказанию, да таким, что небо покажется с овчинку. Или вообще смерть приму из-за своей глупости.

На третью ночь в дверь постучали. Я подошла и открыла. В комнату шагнул лорд Риллен Хальгер. Выражение его лица было холодным и надменным.

Несколько минут мы стояли и просто смотрели друг на друга. Я первая опустила глаза. Наверное, хорошо, что главный хранитель пришел сам? Хотел бы казнить или поиздеваться, послал бы прислужников. Голос хранителя прозвучал тихо, но источал не меньше презрения, чем его взгляд:

— Как я и предполагал, в вас нет ни выдержки, ни воспитания. Женщина должна всегда и везде знать свое место. Такой дерзости, как вы, не совершала еще ни одна жительница нашего мира. Жрица, за то, что вы подняли руку на главного хранителя, вас ждет суровое наказание. По нашим традициям у вас есть два варианта на выбор: умереть или отдавать свое тело мужланам за кусок хлеба в грязном подвале.

Он помолчал и продолжил:

— Конечно, знатная дама, скорее всего, предпочтет смерть. Но обычаи вашего мира я тоже знаю, Хранительница Дракона. Согласитесь ли вы, леди, выбрать казнь, зная, что вместе с вами умрет ваш дракон?

Я стояла затаив дыхание. Да, законы моего мира он знал. Но знал ли меня?

Лорд взял меня за подбородок и поднял кверху лицо:

— Верно ли я сказал, девочка?

Мне показалось, что в его голосе мелькнули участие и сочувствие, и я боялась моргнуть, чтобы слезы не закапали из глаз. Стало страшно и за себя, и за Регину. Ноги налились свинцом. Стоило ли приносить себя в жертву и спускаться в подземелье, чтобы погибнуть в первые же дни да еще погубить мою золотую?

Я глубоко вздохнула и спокойно посмотрела в глаза хранителю:

— Ведите к слугам.

— Вы хорошо подумали?

— Да. Пусть день, неделя, месяц... Но если хоть на какое-то время я смогу продлить жизнь моего дракона, я сделаю это.

Хальгер долго не спускал с меня глаз, видимо обдумывая мой ответ. Потом устало вздохнул:

— Завтра мы все соберемся в общем зале. Если хотите остаться в живых, на коленях приползете туда, поцелуете мои сандалии и будете молить о прощении. После этого я вас помилую и назначу наказание. Обещаю — слугам не отдам.

Глаза лорда странно блеснули:

— Вам повезло, леди, — вы мне нужны. — Он долго изучал мое лицо. — Думаю, примете правильное решение.

Затем повернулся и ушел.

Всю ночь я боролась с собой. Слова жреца не казались пустой угрозой. К утру поняла: поползу и поцелую. Но пообещала себе: как бы дальше ни сложилась моя жизнь, лорду не разрешу дотронуться до себя и па-

льцем. Если даже мне придется побывать на ложе любви с каждым из остальных жрецов. И непременно отомщу.

Утром слуга подал мне грубый холщовый балахон, едва доходивший до середины бедер. Я натянула его, собрала в кулак всю свою волю, шагнула через порог, опустилась на четвереньки и поползла по каменному полу. Большого унижения не испытывала никогда в жизни. Даже ободранные колени и ладони, которые болели довольно сильно, не могли заглушить чувство стыда. Наконец добралась до нужного зала. Хранители расступились, пропуская меня в центр комнаты. Я увидела лорда Хальгера и подползла к нему. Поцеловала по очереди каждую ногу и произнесла: «Простите меня, жрец».

— Поднимитесь, жрица.

Я встала на ноги. Он ударил меня плетью. Правда, совсем не сильно.

— С этого дня и до окончания испытательного срока следует безоговорочно исполнять любые мои приказы. Понятно, жрица?

Я взглянула в лицо лорда, и мне показалось, что весь этот обряд не нравится и ему самому. И ясно стало, что виновата во всем именно я: не надо было вести себя так с Хальгером в присутствии подчиненных. Мужчину можно ударить по лицу, выясняя отношения, лишь тогда, когда тебя связывают с ним любовные узы, да и то — наедине. Тогда он еще, может быть, и простит подобную выходку.

Иногда у меня случаются приступы настоящего искреннего раскаяния. Произошло это и сейчас. Я наклонилась и поцеловала руку лорда. И прошептала тихо, только для него:

— Простите меня, подобное больше не повторится. Я говорю это не из страха, поверьте.

— Верю, жрица любви.

Мне показалось, что остальные хранители вздохнули с облегчением. Ни злости, ни презрения в их от-

ношении ко мне я не увидела. Пожалуй, меня даже жалели.

На другой день, когда я одевалась к трапезе, в комнату вошел новый прислужник.

— Госпожа, я в вашем распоряжении.

Я с удивлением оглядела его. Почему мне сменили слугу?

— А где твой предшественник?

Парень опустил глаза и торопливо пробормотал:

— Мне неизвестно, госпожа.

Мне показалось, что он знает, но не хочет говорить.

— А все-таки?

Прислужник прошептал:

— Госпожа, сегодня ночью из замка удалили всех старых слуг.

Я почувствовала себя просто отвратительно. Из-за моей глупости и необдуманных действий пострадали люди. Наверное, прислужников убрали, чтобы не осталось свидетелей позора жрицы. Но живы ли они?! Я неуверенно потопталась на пороге, затем выскочила за дверь прямо в чем была и помчалась к апартаментам лорда.

Совсем забыла, что клялась себе больше никогда и близко не подходить к главному хранителю. Без стука ворвалась в комнату. И замерла на месте. Похоже, он только что вышел из купальни и был совершенно обнажен. Я растерялась, а лорд поспешно схватил простыню и обернул вокруг талии.

— Лорд Рил, что вы сделали со слугами? Это из-за меня?

— Успокойтесь, жрица. Сядьте и подождите. Не могу же я разговаривать с вами в таком виде.

Хранитель вышел в другую комнату, а я успела мысленно отметить, что сложен он превосходно. Вернулся лорд уже одетый и вздохнул:

— Что у вас опять случилось, жрица?

Я набрала полные легкие воздуха и выпалила: